

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Политическая социология: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 66 вопросов перечня кафедры социологии для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.4.5 «Политическая социология», кафедра социологии

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ · ВОПРОС К41 · ДЕМО

Причины выделения бюрократии в правящий слой со своими особыми интересами. Причины сохранения и усиления бюрократизма в России

■ Общий механизм

- Вебер: власть чиновника держится на монополии знания и «служебной тайне» — аппарат скрывает сведения даже от парламента;
- чиновник разделяет общий интерес всех функционеров в сохранении аппарата;
- Джилас, Восленский: партийная бюрократия — «новый класс»/«номенклатура», власть без формальной собственности.

■ Досоветская Россия

- Ковалевский: Россия заимствовала «форму, а не дух» европейских учреждений — деспотизм менял лишь обличье;
- «кормление» — узаконенная коррупция воевод и дьяков, живших поборами;
- Пётр I создал служебную бюрократию (Табель о рангах), сохранив дворянскую монополию на землю с крепостными;
- указ 21.10.1905 г.: «установление власти модернизированной бюрократии» вместо самодержавия (Вебер).

■ Советский период

- этатизм: аппарат нацелен не на результат, а на максимизацию власти; интерес «привратников» — теневые доходы;
- номенклатура — посты, назначение на которые требовало согласия парткомитета, механизм контроля партии;

- номенклатура, ВПК, теневая экономика заблокировали реформы Горбачёва 1987–1990 гг.
- **Причины сохранения в постсоветской России**
 - кадровая преемственность: 61–83% элиты 1990-х — выходцы из советской номенклатуры;
 - конвертация власти в собственность: министры превращали ведомства в госконцерны с контрольным пакетом за собой;
 - правовой вакуум переходного периода — «сказочное время» для чиновника, решающего судьбу ресурсов;
 - клиентелизм и кланы вокруг лидера (политик — группа поддержки — ФПГ — СМИ);
 - при Путине — рост силовиков в элите, возврат Табели о рангах (закон 2003 г.), «советизация» аппарата.
- **Экономическая логика устойчивости**
 - обход формальных правил дешевле их соблюдения — сговор с чиновником вместо суда;
 - Путин (2001): «система защищает свои права на получение статусной ренты».

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Вводный контекст: бюрократия как объект социологии

Бюрократией в социологии называют слой профессиональных управленцев, организованных в иерархический аппарат и действующих по формальным правилам. Вопрос, вокруг которого построен этот разбор, звучит парадоксально: аппарат, созданный для исполнения чужой воли — монарха, партии, закона, — в самых разных обществах со временем начинает действовать в собственных интересах, отличных от интересов тех, кому он подчинён. Макс Вебер, автор классической теории бюрократии, и его критики и продолжатели (от Ленина и Троцкого до советских и российских социологов XX–XXI веков) искали ответ на два связанных вопроса: почему бюрократия вообще склонна выделяться в привилегированный, замкнутый слой, и почему в России эта склонность реализовалась особенно полно и устойчиво — от Московского царства до современности.

■ Общая теория: почему бюрократия становится правящим слоем

Ключевой источник власти бюрократии, по Веберу, — монополия на профессиональное знание. Чиновник, прошедший специальную подготовку и ежедневно работающий с делами управления, превосходит компетенцией любого «дилетанта» — будь то монарх, парламент или широкая публика. Это превосходство бюрократия закрепляет искусственно, через институт «служебной тайны»: она по возможности скрывает свои знания и намерения от критики. Пример из прусской практики: официальная статистика публиковалась избирательно, только в той части, которая не вредила интересам

администрации. По той же логике бюрократия последовательно противится попыткам парламента получить право расследования (*Enquêterecht*) — плохо осведомлённый и потому безвластный представительный орган ей выгоднее.

Второй механизм — корпоративная солидарность. Отдельный чиновник, по формуле Вебера, разделяет общий интерес всех функционеров аппарата: сохранить организацию и продолжить её рационально устроенное господство, а заодно ослабить любые внешние силы, способные аппарат контролировать. Единственный реальный конкурент чиновника за власть в системе Вебера — частный предприниматель, который сохраняет независимость от бюрократической иерархии; там, где такой независимой фигуры нет или она подавлена (что особенно верно для социалистической плановой экономики), власть аппарата становится практически безальтернативной.

Марксистская традиция подходит к тому же явлению с другой стороны, но приходит к близкому выводу. Ленин предупреждал, что новый, послереволюционный государственный аппарат не должен превратиться в «привилегированный слой, оторванный от масс», и настаивал на выборности и сменяемости чиновников с зарплатой не выше рабочей. На практике, однако, тенденция оказалась противоположной: Троцкий фиксировал у бюрократии «неизбежную тенденцию к утверждению её собственных интересов», а к концу 1950-х годов Милован Джилас и позже Михаил Восленский описали сложившийся в странах «реального социализма» правящий слой прямо как новый класс — «номенклатуру», получавшую привилегии не через право собственности (которого формально не было), а через монопольный контроль над назначением на посты и распоряжением государственным имуществом.

■ Досоветская Россия: как складывался служилый правящий слой

Историческая генеалогия российского правящего слоя показывает, что привилегированное положение чиновничества и служилой знати формировалось задолго до советской эпохи. В Московском княжестве служилые люди получали землю (поместье) не в собственность, а на время несения военной службы — по образцу, заимствованному, как отмечал историк Максим Ковалевский, у татарской системы «иктаа». Постепенно эта временная привилегия закреплялась: московские государи начали конфисковывать имущество тех, кто пытался уйти на службу к другому князю, а свобода перехода крестьян с земли на землю ограничивалась — так закладывался институциональный фундамент будущего крепостного права. Параллельно оформился институт «кормления»: воеводы и наместники не получали жалованья, а жили поборами с управляемого населения, что Ковалевский прямо называл «узаконенной коррупцией», разлагавшей элиту и общество на протяжении веков.

Пётр I провёл принципиальную реформу: Табель о рангах 1722 года заменила родовую знатность выслугой — доступ в дворянство открывался через службу, а не по происхождению. Но, как показывает Вебер в анализе российского патримониализма, при этом сохранилась и даже усилилась привилегия иного рода — монопольное право дворянства владеть землёй с крепостными, чего не

было, например, в китайской чиновной системе. Разобщённость российского дворянства, конкурировавшего за чин по системе местничества, а не объединённого сословной солидарностью, дополнительно укрепляла власть монарха и его аппарата: знать не могла выступить единым фронтом против бюрократизации.

К началу XX века независимость и самовластие российского чиновничества достигли такой степени, что сам монарх оказывался бессилён перед ним. Вебер описывал министерства поздней имперской России как «конгломерат сатрапий», ведущих войну друг с другом с помощью бесконечных «памятных записок», против которых царь как дилетант был бессилён. Указ от 21 октября 1905 года, вводивший должность председателя Совета министров и обязательное прохождение дел через этот орган, парадоксальным образом не ослабил, а укрепил власть аппарата — Вебер писал, что он «означал просто исчезновение последних элементов самодержавия в старом смысле и установление власти модернизированной бюрократии». Попытка Сергея Витте ограничить всевластие ведомств через институт премьерства провалилась — пост так и не приобрёл политического веса, а сам Витте вскоре был отстранён.

■ Советский период: этатизм, номенклатура и её самозащита

В советский период выделение бюрократии в правящий слой со своими интересами получило системное экономическое объяснение через понятие этатизма — общественного устройства, организованного вокруг присвоения экономического излишка держателями власти в государственном аппарате. Плановая система «вала» (учёта по валовой стоимости продукции) не давала предприятиям стимула снижать издержки: премии считались по выполнению плана, а не по реальной эффективности. В этих условиях, как формулировал испанский социолог Мануэль Кастельс, «господствующий интерес привратников во всём административном аппарате состоял в том, чтобы собирать свои теневые доходы, а не в том, чтобы получать премии за выполнение плановых заданий». Даже относительно либеральные косыгинские реформы 1965 года, дававшие предприятиям больше самостоятельности, выдохлись к началу 1970-х: предприятия, повысившие производительность, получали повышенные плановые задания на следующий год, тогда как предприятия, сохранявшие рутинный уровень производства, спокойно «гнили» в бюрократической стабильности — система наказывала инициативу и поощряла инерцию.

Институциональной формой закрепления привилегий стала номенклатура — список государственных и партийных постов, назначение на которые требовало согласия соответствующего партийного комитета, вплоть до Центрального Комитета КПСС для верхних должностей. Это был, по существу, «фундаментальный механизм», через который партия семьдесят лет контролировала советское государство. Власть в советском обществе держалась на балансе как минимум четырёх крупных групп интересов: коммунистических идеологов; собственно государственного аппарата (партийная номенклатура, плановые ведомства, армия, органы безопасности); директоров крупных предприятий военно-промышленного и топливно-энергетического комплекса; и

сети, образованной номенклатурой совместно с руководителями теневой экономики. Именно мобилизация этих групп — прежде всего военно-промышленной и топливно-энергетической элиты, принципиально не заинтересованной в демилитаризации экономики и ослаблении контроля над внешней торговлей, — сыграла решающую роль в блокировании реформистских усилий Михаила Горбачёва во второй половине 1980-х годов.

■ Причины сохранения и усиления бюрократизма в постсоветской России

Крах советской системы не привёл к демонтажу бюрократии как правящего слоя — произошла её трансформация при сохранении ядра кадров и практик. Первая и важнейшая причина устойчивости — прямая кадровая преемственность: исследования показывают, что среди окружения президента, региональной элиты, состава правительства и даже бизнес-элиты России 1990-х доля выходцев из советской номенклатуры составляла от 61 до более чем 80 процентов. Современники — от бывших следователей до предпринимателей — свидетельствовали, что подавляющее большинство партийных и хозяйственных номенклатурщиков остались в управленческих структурах на всех уровнях, от района до Кремля.

Вторая причина — конвертация административной власти в собственность. В период приватизации 1990-х годов бывшие союзные министры массово преобразовывали свои ведомства в государственные концерны, а затем акционировали их, сохраняя за собой контрольный пакет: так бывшие правительственные чиновники становились крупными частными собственниками, не теряя при этом своих аппаратных связей. Этому способствовал правовой вакуум переходного периода, когда старые, административно-плановые законы уже были отменены, а новые рыночные ещё не работали в полную силу, — ситуация, которую социологи описывали как «сказочное время» для бюрократической элиты, получавшей фактически неограниченное право решать, кому и на каких условиях достанутся ресурсы.

Третья причина — клиентелизм и клановость, унаследованные от советской практики «обойм» и усилившиеся в условиях ослабления формальных иерархий в 1990-е годы. Типичная структура постсоветского клана описывается как «слоёный пирог»: публичный политик как символ клана, вокруг него — группа политической поддержки, затем финансово-промышленная группа, обслуживающие СМИ и, нередко, собственные силовые структуры. Карьерное продвижение в такой системе определяется не профессиональными качествами, а личной преданностью патрону и поддержкой финансовых структур.

Четвёртая причина связана с изменением состава элиты уже в 2000-е годы: после разрушения советской системы кадрового резерва и хаотичного пополнения элиты в перестройку и 1990-е (когда в управленческие структуры пришли люди без соответствующего опыта) власть сделала ставку на военных и сотрудников спецслужб как на группу, менее подверженную коррупции и лучше управляемую, привыкшую подчиняться приказам. Это привело к заметному росту доли силовиков в политико-административной элите и к формированию

корпоративной солидарности этой группы, дополнительно укрепившей устойчивость бюрократического аппарата. Параллельно был восстановлен формальный институт карьерной бюрократии: закон о системе государственной службы 2003 года по существу вернул принцип табели о рангах, закрепив классный чин и выслугу лет, а лояльность системе вновь стала главной гарантией стабильности статуса чиновника.

■ Экономическая и правовая логика воспроизводства бюрократизма

Помимо кадровых и политических причин, устойчивость российского бюрократизма имеет экономическое объяснение. Доминирование исполнительной власти над представительной и судебной, унаследованное от советской системы, составляет институциональную основу господства бюрократии, придаёт ей фактически сословный характер и сковывает независимые социальные силы общества. Непрозрачность управленческой деятельности создаёт условия, в которых чиновник использует властные полномочия для реализации собственных, а не общественных интересов — например, через практически ненаказуемое нецелевое расходование бюджетных средств.

Ключевой экономический механизм здесь — соотношение издержек. Формально правовое решение проблемы через официальные процедуры в России систематически обходится дороже, чем следование неформальным нормам — то есть достижение результата через личную договорённость с чиновником. Именно поэтому граждане и организации в массе случаев выбирают второй путь, что делает бюрократическую ренту не эпизодическим, а структурным явлением. Публичное признание этого механизма прозвучало на самом высоком уровне: в 2001 году в выступлении президента России было прямо сказано, что «система защищает свои права на получение так называемой "статусной" ренты» — то есть взяток и отступных. Такое признание показательное: оно фиксирует, что проблема воспринимается не как случайное злоупотребление отдельных чиновников, а как системное свойство самого устройства управления.

■ Итоги и значение

Выделение бюрократии в правящий слой со своими особыми интересами — не специфически российское, а универсальное следствие того, что профессиональное управленческое знание и контроль над информацией объективно ставят чиновника в привилегированное положение по отношению к любому «дилетанту», включая формального суверена — монарха, партию или избирателя. В России этот универсальный механизм наложился на несколько собственных исторических условий: позднее и неполное усвоение европейских институциональных форм при сохранении прежнего содержания власти, столетия институтов кормления и служилого землевладения, советскую номенклатурную систему тотального контроля над назначениями, а затем — почти беспрепятственный перенос кадрового ядра и управленческих практик этой системы в постсоветский период вместе с приватизацией власти в собственность. Понимание этой преемственности важно не для

морализаторства, а для точного диагноза: попытки реформировать российское государственное управление, не учитывающие устойчивость кадровых сетей, правовых лазеек и экономической логики, при которой обход правил выгоднее их соблюдения, рискуют воспроизводить те же результаты, что и предыдущие попытки — от александровских и петровских реформ до перестройки.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Политическая социология: кандидатский экзамен» — 66 вопросов перечня кафедры социологии для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.